

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1.09"19"

Лебедев Юрий Владимирович

доктор филологических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

y.v.lebedev@yandex.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА О СВЯТОСТИ ТРУДА ПИСАТЕЛЯ

В статье раскрывается органическая связь русской классической литературы XIX века с древнерусской словесностью и духовными устоями Православия. Русская письменность в течение семи столетий была религиозной. Душой древнерусской словесности был церковнославянский язык. В середине IX в. солунские братья Кирилл (Константин) и Мефодий изобрели славянскую азбуку. Они создали её специально для перевода с греческого языка боговдохновенных текстов. Обретение письменности явилось для нас событием священным, и отношение к письменному слову на Руси имело религиозный характер. Литература «светская» или «новая» появилась у нас гораздо позднее, чем в Западной Европе, но наша классика сохранила веру в божественную природу слова. Русские люди и в XIX веке придавали литературному творчеству сакральный смысл. Поэт осознавался в роли носителя высшей истины. Его поэтическое слово получало ценность Слова, дарованного свыше, осенённого Божественным авторитетом. Начиная с петровских реформ, на личность писателя выпала особая духовная нагрузка, поскольку эти реформы расширяли устои Православной церкви. В этих условиях русские люди в качестве духовных авторитетов выбрали своих писателей. Как древнерусский книжник, русский писатель считал себя проводником благодатной истины. Вдохновение приводило его в священный трепет. Он видел в поэзии не «самовыражение», а «служение», накладывающее на поэта высокие духовно-нравственные обязательства.

Ключевые слова: словесность и литература, древнерусский книжник и русский писатель-классик, поэтическое слово, дар созерцания.

«Наша литература – наша гордость, лучшее, что создано нами как нацией, – говорил А.М. Горький. – В ней – вся наша философия, в ней запечатлены великие порывы духа; в этом дивном, сказочно быстро построенном храме по сей день ярко горят умы великой красоты и силы, сердца святой чистоты...» [2, с. 64]. Русскую классическую литературу XIX века Томас Манн устами своего автобиографического героя Тонио Крегера назвал *Святой*.

Далеко не случайно, что мировое культурное признание Россия получила как страна великих писателей-реалистов, в отличие от Франции – страны классической политической культуры, Германии – страны немецкой классической философии и Англии – страны классической политэкономии. Художественная одарённость русского народа органически связана с коренными особенностями его православно-христианского мирозерцания. Православный человек искренне верует в бессмертие души и в земной жизни видит лишь пролог к жизни вечной. Потому он не прельщается материальной плотью мира, мирскими ценностями и благами. Православная вера позволяет ему смотреть на жизнь бескорыстно и благоговейно. Она воспитывает в нём *дар созерцания*, являющийся основой эстетического восприятия.

Русская письменность в течение семи столетий была религиозной. Литература «светская» или «новая» появилась у нас гораздо позднее, чем в Западной Европе. Семь веков на Руси утверждала себя словесность. Именно словесность, потому что в литературе ценится изобретательность, умелое владение автора художественными приёмами, игра воображения. Русская словесность такой литературности осознанно чуждалась.

Произведения литературы с вымышленными сюжетами и персонажами существовали тогда в средневековой Европе (например, рыцарские романы) и в Византии (например, романы любовные). Но в русской словесности таких произведений не было. Вплоть до XVII столетия древнерусская письменность не знала ни вымышленных героев, ни любовных романов, ни утончённой лирики, подобной западноевропейским миннезингерам и трубадурам.

Древнерусская книжность была иной. Эстетическая функция в ней не стала самостоятельной. Она подчинялась целям воспитательным, просветительским.

Почему же «игры» воображения древнерусский книжник считал кошуном?

Душой древнерусской словесности был церковнославянский язык. В середине IX в. солунские братья Кирилл (Константин) и Мефодий изобрели славянскую азбуку. Они создали её специально для перевода с греческого языка боговдохновенных текстов. Обретение письменности явилось для нас событием священным.

В широко известном на Руси болгарском «Сказании о письменах» Черноризца Храбра говорилось: «Вот если спросить книжечеев греческих так: кто вам письмена сотворил или книги перевёл, или в какое время, – то редкие из них знают. Если же спросить славянских грамотеев так: кто вам письмена сотворил или книги перевёл, то все знают и, отвечая, говорят: святой Константин Философ, нареченный Кириллом – он нам письмена сотворил и книги перевёл, и Мефодий, брат его» [14].

Древнерусские люди считали церковнославянский язык носителем божественных истин. Книжность, письменность и даже сама азбука были для

них священны. Русские люди высоко оценивали свой письменный язык в сравнении, например, с католической латынью. Ведь латынь в Западной Европе была не только богослужебным языком, но ещё и языком римской языческой литературы. На латинском языке в Средневековье создавались как церковные памятники, так и светские сочинения. То же самое совершалось на греческом языке. Церковнославянский язык был иным. Письменность православных славян на протяжении столетий имела строго религиозный характер.

К созданию произведения древнерусский книжник относился иначе, чем литератор. Он не считал себя творцом. Он стремился быть «инструментом» в руках Бога и писать не по своему произволению, а по Божьей благодати. Нестор-летописец прямо говорит о себе, что он «груб и неразумен». Епифаний Премудрый, создавая житие преподобного Сергия, молится, чтобы Бог вразумил и помиловал его, «неучёного и неразумного». Творчество воспринималось в древней Руси не как «самовыражение», а как Божественный акт.

Истинный Творец, полагал древнерусский книжник, не я, а Бог, создавший небо и землю, подаривший мне Слово. Это Слово священно. Самоуправное обращение с ним – это кощунство, это преступление против Создателя. Древнерусский писатель относился к своему делу очень ответственно. Он долго очищал душу постом и молитвой, прежде чем взять в руки перо. Только внутренне чистый человек мог быть достойным проводником Божественной благодати. Поэтому многие известные нам древнерусские писатели за свою праведную жизнь удостоены святости.

В XVII веке наступают перемены. Наша литература принимает светский характер. Если раньше писательский труд был привилегией духовенства, то теперь литературой стали заниматься миряне. Казалось бы, создание светской литературы должно было лишить писательский труд в России религиозного ореола. Однако этого не произошло. Н.А. Бердяев замечал: «...В русской литературе, у великих писателей религиозные темы и религиозные мотивы были сильнее, чем в какой-либо литературе мира... Соединение муки о Боге с мукой о человеке делает русскую литературу христианской, даже тогда, когда в сознании своем русские писатели отступали от христианской веры» [1].

Русские читатели резкой гранью отделили литературное творчество от остальных искусств. Поэт по-прежнему выступал для них в роли носителя высшей истины. А его поэтическое слово по-прежнему получало ценность Слова, дарованного свыше, осенённого Божественным авторитетом. Русские люди были глубоко убеждены, что право говорить от лица Истины даётся тяжёлым трудом. Оно завоевывается самопожертвованием, аскетическим подвигом. Рылеев в думе «Державин» писал:

О так! нет выше ничего
Предназначения Поэта;
Святая правда – долг его;
Предмет – полезным быть для света,
Служитель избранный Творца,
Не должен быть ничем он связан;
Святой, высокий сан Певца
Он делом оправдать обязан [9, с. 172].

Творчество поэтов по-прежнему оценивалось на Руси необычайно высоко. Поэзия воспринималась как «язык богов». Сохранялось требовательное отношение к личности поэта. На Западе, например, никому не приходило в голову ставить под сомнение ценность педагогических сочинений Руссо, хотя все знали, что их автор отдавал своих детей в воспитательные дома. В России такое было невозможно. Оставался неизменным принцип: «живи, как пишешь, и пиши, как живёшь». Русский драматург и писатель Н.А. Чаев в своём романе «Подспудные силы» утверждал: «Велика и тяжка ответственность писателя в земле, где верят в богатырскую мощь слова, где стар и млад нетерпеливо ждут его от поэта, точно в канун Великого дня народ ждёт благовеста» [13, с. 261–262].

Авторитет новой русской литературы в XVIII–XIX вв. не только не уменьшился, но даже возрос. Начиная с петровских реформ, на личность писателя выпала особая духовная нагрузка. Это было связано с тем, что реформы расшатали устои Православной церкви. Пётр упразднил патриарха, учредил Синод и назначил себя главою Церкви. Лишённая своего владыки, униженная Церковь была вынуждена признать, что место патриарха в ней занял монарх. Впервые в нашей истории ему были воздвигнуты памятники. Над Петербургом вознёсся не Бог, а «кумир на бронзовом коне». Кумир!

Но тут же возникла неразрешимая проблема, связанная с тем, что русский народ не признал царя святым, а заодно усомнился и в авторитете церкви. Митрополит Вениамин (Федченков) в книге «На рубеже двух эпох» замечал: «...Влияние Церкви на народные массы всё слабело и слабело, авторитет духовенства падал. Вера становилась лишь долгом и традицией, молитва – холодным обрядом по привычке. Огня не было в нас и в окружающих... Один святой архиерей, епископ Иннокентий говорил мне: “Вот жалуются, что народ не слушает наших проповедей и уходит из храма, не дожидаясь конца службы. Да ведь чего слушать-то? Мы питаем его манной кашей, а люди хотят уже взрослой твердой пищи”» [5].

И вот в качестве духовных авторитетов русские люди выбрали своих писателей. «Поэт (независимо от того, пишет он стихами или прозой) – вечная русская проблема. Нигде так не мучают поэтов при жизни и так не чтят после смерти, как в России. Мы прибегаем к ним с сегодняшними заботами, упоая на помощь Пушкина и Гоголя, Достоевского и Толстого – людей, которые давно скончались и у кото-

рых была другая жизнь и другой опыт. Ясно, что мы числим их не по разряду истории, но по разряду вечности... На рациональном Западе – и католическом, и протестантском – сейчас дела обстоят иначе. При всём уважении к Руссо, Шекспиру, Гёте французы, англичане, немцы не станут отягощать их насущными своими вопросами» [6, с. 303].

Русская литература Нового времени сполна унаследовала коренные традиции древнерусской письменности. Наша классика сохранила веру в божественную силу слова. Пушкин видел в русской литературе предназначение, унаследованное ею от допетровской словесности, – быть Словом, объединяющим в себе художественный образ и дар пророчества. Он не кичился своим талантом, не считал его личным достоинством и заслугой. По отношению к нему Пушкин, как слабый человек, испытывал благоговение:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружён;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь Божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орёл [8, с. 22].

Как древнерусский книжник, Пушкин считал себя лишь проводником благодатной истины. Вдохновение приводило его в священный трепет. Он видел в поэзии не «самовыражение», а «служение», накладывающее на поэта высокие нравственные обязательства. Пушкин и здесь был сыном русского народа, искони считавшего стыдливость и смиренномудрие лучшими добродетелями человека, а гордыню – самым тяжким, смертным грехом.

В одном из писем к Жуковскому Гоголь говорит, что в процессе творчества он прислушивается к высшему зову, требующему от него безусловного повиновения и дающему благодать вдохновения: «Кто-то Незримый пишет передо мною могущественным жезлом» [7, с. 158]. Вслед за Пушкиным Гоголь видел в писательском призвании Божественный дар.

Русский писатель не идеализирует человека, зная, что его природа помрачена грехом. Он утверждает, что мерою всех вещей является не человек, а идеал человека – образ Божий. Реализм в России свободен от соблазна обожествления человека, свойственного западноевропейскому Ренессансу, от искушения – «и будем, как боги». Начиная с Пушкина, наша литература утверждает не светский гуманизм обожествившего себя человека, а гуманизм христианский, основанный на сознании, что образ человека держится силою более высокой, чем он сам.

Христианский гуманизм определяет также и взгляд русского писателя на окружающий мир.

«...Судите наш народ не потому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать, – говорит Достоевский. – А идеалы его сильны и святы, и они-то и спасли его в века мучений; они срослись с душой его искони и наградили её навеки простодушием и честностью, искренностью и широким всеоткрытым умом, и всё это в самом привлекательном гармоническом соединении. А если притом и так много грязи, то русский человек и тоскует от неё всего более сам, и верит, что всё это – лишь наносное и временное, наваждение дьявольское, что кончится тьма и что непременно воссияет когда-нибудь вечный свет» [3, с. 43].

Главному герою своего романа «Господа Головлёвы» М.Е. Салтыков-Щедрин неспроста даёт кличку Иудушка, вызывающую прямые ассоциации с Иудой Искаротом, предавшим Иисуса Христа за тридцать сребреников. Он получает такую кличку за постоянное надругательство над словом. Салтыков-Щедрин верит в божественную природу и божественную силу человеческого слова: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нём была жизнь, и жизнь была свет человеков. И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [Иоанн, гл. 1, ст. 1–5].

Весь колорит романа «Господа Головлёвы» окрашен в серые, пасмурные тона, и по мере движения сюжета к финалу сумерки в нём сгущаются, а действие прерывается в метельную мартовскую ночь. Этот тёмный фон – отражение главной художественной мысли писателя: образ жизни господ Головлёвых – надругательство над светоносной, духовной природой Слова.

Атмосфера всеобщей лжи особенно тяжело переживалась сатириком: «Когда утрачивается вера в животворящие свойства слова, то можно с уверенностью сказать, что и значение этого слова умалено до металла звенящего. И кажется, что именно до этого мы и дошли» [10, с. 535]. Лживое обращение человека со словом Салтыков-Щедрин приравнивал к богохульству.

А.К. Толстой считал, что обыденное сознание, согласно которому сначала создаётся вещь, а потом ей даётся название, совершает ошибку. Точно так же нам кажется, что солнце вращается вокруг земли. В Божьем творчестве – обратный порядок. В сотворении мира Слово опережает вещь. Слово вызывает её к жизни. В Слове заключена духовная основа вещи. В земном мире, помрачённом грехопадением людей, исказился Божий замысел о мире. Божественные основы в человеке и в природе потускнели. Духовная любовь пробуждает стремление вернуться к Божьему замыслу, к тому, что «всё, рождённое от Слова, / Лучи любви кругом лия, / К Нему вернуться жаждет снова» [11, с. 86].

К искусству Слова А.К. Толстой относится со священным трепетом. Истинные поэты не отражают, а преображают мир. Это преображение осуществляется не по их субъективному замыслу или капризу, а по воле Того, Кто пробуждает в них творческий дар. Источником творчества, по Толстому, является мир «предвечных Слов-образов», существующих вне земной сферы. Художественно одарённый человек проникает «В то сокровенное горнило, / Где первообразы кипят, / Трепещут творческие силы!» [11, т. 1, с. 515]. Искусство – посредник между миром земным и миром небесным. Поэт ловит отблеск вечного и бесконечного в преходящих формах земного бытия. Он не сочиняет произведение по своему произволу. Напротив, в минуту поэтического вдохновения его духовному зрению открывается тайна божественной гармонии:

Тщетно, художник, ты мнишь, что творений своих ты создатель!

Вечно носились они над землёю, незримые оку
[11, т. 1, с. 128].

Новая русская литература никогда не теряла свою духовную связь с литературой Древней Руси. Создавая свой литературный язык, она прививала ему церковнославянскую первооснову. Высокий дух нашего литературного языка прямо связан с языком богослужебных книг и православной литургии. Ведь с момента принятия Православия на Руси при святом Владимире и вплоть до наших дней церковная служба у нас ведётся не на мёртвой латыни, а на особом, но сравнительно доступном русскому человеку языке Священного писания и святоотеческого Предания. Православной оказалась высокая ценностная шкала нашего литературного языка, по отношению к которой выстраиваются в нём все другие слова и стоящие за ними понятия.

В смутные для России времена после первоапрельской катастрофы 1881 года, когда народовольцы убили Александра II, Тургенев создаёт стихотворение в прозе «Русский язык»: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины, – ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык! Не будь тебя – как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!» [12, с. 198].

Горькое сознание глубочайшего национального кризиса, переживаемого тогда Россией, не лишило Тургенева надежды и веры. Эту веру и надежду давал ему наш язык. Сомневающимся в будущем России маловерам Тургенев настойчиво повторял: «И я бы, может быть, сомневался в них <...> – но язык? Куда денут скептики наш гибкий, чарующий, волшебный язык? Поверьте, господа, народ, у которого такой язык, – народ великий» [12, С., т. 13, с. 670].

Судьбы народа не определяются только сиюминутными состояниями его жизни, которые порой повергают в уныние и растерянность. Судьбу на-

рода во многом определяет дух языка, на котором он говорит и в котором скрыта энергия многовековой исторической памяти. Раскрывая образ Святой Руси, воплотившийся в творчестве русских писателей XIX века, И.А. Ильин писал: «Русь именуется “святою” и не потому, что в ней “нет” греха и порока; или что в ней “все” люди – святые... Нет.

Но потому, что в ней живёт глубокая, никогда не истощающаяся, а по греховности людской и не утоляющаяся жажда праведности, мечта приблизиться к ней, душевно преклониться перед ней, художественно отождествиться с ней, стать хотя бы слабым отблеском её... – и для этого оставить земное и обыденное, царство заботы и мелочей, и уйти в богомолье.

А в этой жажде праведности человек прав и свят» [4, с. 135].

Библиографический список

1. Бердяев Николай. О характере русской религиозной мысли XIX века. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://knigo.com/p/philos/berdyaev/berdn025.htm>.
2. Горький М. Собр. соч.: в 30 т. – Т. 24. – М.: Художественная литература, 1953. – 575 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 22. – Л.: Наука, 1981. – 408 с.
4. Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 6, кн. 2. – М.: Русская книга, 1996. – 672 с.
5. Митрополит Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.golden-ship.ru/load/v/veniamin_fedchenkov/na_rubezhe_dvukh_ehpokh_veniamin_fedchenkov/285-1-0-1120.
6. Панченко А.М. О русской истории и культуре. – СПб.: Азбука, 2000. – 494 с.
7. Переписка Н.В. Гоголя: в 2 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1988. – 480 с.
8. Пушкин А.С. Собр. соч.: в 10 т. – Т. 3. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – 558 с.
9. Рылеев К.Ф. Полн. собр. стихотворений. Б-ка поэта. Большая серия. 2-е изд. – Л.: Советский писатель, 1971. – 480 с.
10. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч.: в 20 т. – Т. 13. – М.: Художественная литература, 1972. – 814 с.
11. Толстой А.К. Собр. соч.: в 4 т. – Т. 1. – М.: Художественная литература, 1963. – 800 с.
12. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: в 28 т. – Соч. – Т. 13. – М.; Л.: Наука, 1967. – 736 с. – Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием серии (Письма – П., сочинения – С.), тома и страницы.
13. Чаев Н.А. Подспудные силы. Роман в двух частях. – М.: Университетская типография Катков и Ко, 1870. – 512 с.
14. Черноризец Храбр. О письменах. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kirsoft.com.ru/freedom/KSNews_529.htm.